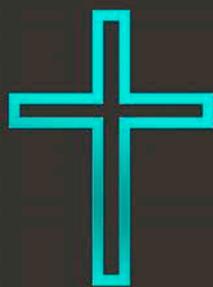
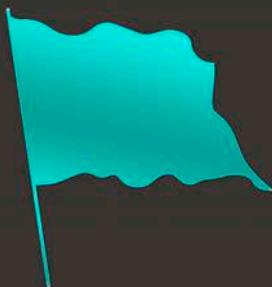
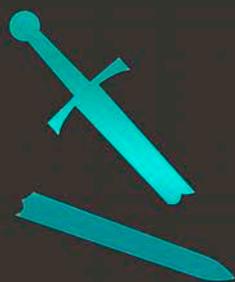

УРОКИ ИСТОРИИ

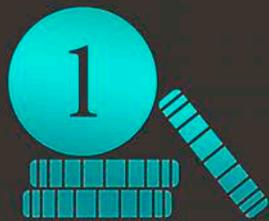
УИЛЛ
ДЮРАНТ

АРИЭЛЬ
ДЮРАНТ

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ОБЩЕСТВО
МОРАЛЬ
РЕЛИГИЯ
ВОЙНЫ

КОНФЛИКТЫ
КЛИМАТ
ПРОГРЕСС
ЭВОЛЮЦИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
5000 ЛЕТ

От лауреатов Пулитцеровской премии

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ОБЛАДАТЕЛИ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Уилл Дюрант
Ариэль Дюрант

УРОКИ ИСТОРИИ

Закономерности развития
цивилизации за 5000 лет

Перевод с английского
Арсения Черного

М о с к в а
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
2020

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Вступление	9
Глава 1. О сомнениях	11
Глава 2. О Земле и истории	19
Глава 3. О биологии и истории	27
Глава 4. О расах и истории	41
Глава 5. О личностях и истории	57
Глава 6. О нравственности и истории	67
Глава 7. О религии и истории	79
Глава 8. Об экономике и истории	99
Глава 9. О социализме и истории	113
Глава 10. О государстве и истории	133
Глава 11. Об истории и войне	159
Глава 12. О расцвете и упадке	173
Глава 13. Возможен ли прогресс?	189
Библиография	205
Об авторах	209

Вступление

Чтобы сыграть заключительный аккорд, сначала необходимо проиграть вступление. Окончив на 1789 году нашу «Историю цивилизации» и окинув взглядом все десять томов¹, мы все больше укреплялись во мнении о необходимости нового издания с исправлением ошибок и неточностей — как фактических, так и типографских. За время работы над переизданием у нас накопилось изрядное количество заметок, набросков и комментариев, по тем или иным причинам в основной текст не вошедших, — в них мы пытались прояснить настоящие и возможные грядущие события и рассмотреть природу человека и государства. (Ссылки в тексте на тот или иной том «Истории» носят не обязательный, но поясняющий характер.)

¹ Одиннадцатый том *The Age of Napoleon* увидел свет в 1975 г., уже после публикации «Уроков истории». *Прим. ред.*

Покуда работа над текстом не была окончена, мы всеми силами старались воздержаться от вынесения собственных суждений, однако, несомненно, наш взгляд на события и действующие лица в любом случае определялся выбором примеров. В результате всего перечисленного появилось настоящее собрание наших эссе. В них мы подчас повторяем и самих себя, и тех, кто высказывал те же идеи до нас; тем не менее смеем заметить, что нашей целью была вовсе не оригинальность, а всесторонний охват не наших личных прозрений, но исторической совокупности человеческого опыта.

Спешим в очередной раз искренне поблагодарить за поддержку и помощь нашу любимую дочь Этель.

Уилл и Ариэль Дюрант

Глава 1

О сомнениях

Подходя к конечной точке своих исследований, историк встречается с рядом непростых вопросов. Был ли в твоей работе прок? Было ли в ней что-либо еще помимо увлекательного изложения взлетов и падений тех или иных народов и переказа «преданий о смерти королей»²? Удалось ли узнать что-то новое о человеческой природе или случайный прохожий на улице, не читавший твою книгу, знает о проявлениях оной ровно столько же? Пролил ли ты хоть немного света на события настоящего? Вынес ли ценные наставления, благодаря которым мы укрепимся в наших решениях и поступках? Указал ли, как лучше подготовиться к грядущим превратностям и невзгодам? Нашел ли ты в событиях прошлого то, что поможет предсказать судьбу людей или государств? Быть может,

² Шекспир У. Ричард II. Акт 3, сцена 2. *Прим. пер.*

в конце пути все же выяснится, что «у истории нет никакого смысла»³ и она ничему нас не учит? А что если все наше богатое прошлое было лишь утомительной чередой ошибок, которые нам предначертано повторить с еще бóльшим размахом?

Подчас так и кажется: нас захлестывают волны сомнений, и мы рискуем бесславно пойти ко дну. И все же давайте разбираться: знаем ли мы *на самом деле*, каким было прошлое, о котором мы говорим, или же история — эдакая «басня», о сюжете которой мы так и не можем «договориться»⁴? Без сомнения, наше знание прошлого всегда неполно и, вероятно, неточно; оно омрачено то двусмысленностью свидетельств, то предвзятостью самих свидетелей, а порой искажено в угоду нашим религиозным или патриотическим устремлениям. «Бóльшая часть истории — гадание; остальное — предрассудки»⁵. Даже если историк вознамерился быть абсолютно беспристрастным по отношению к своей стране, расе, конфессии или классу, он все равно выдаст

³ *Sédillot R.* L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965.

⁴ Слова Фонтенеля об истории, цитировавшие также Гельвецием, Вольтером и Наполеоном — последним, правда, без указания на источник, — принесшие им всемирную славу. *Прим. неф.*

⁵ *Durant W.* Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935.

себя — в первую очередь выбором материала для исследования, да и манерой говорить о предмете. «Историк всегда стремится к упрощению: он любит иметь дело с небольшим количеством легко обрабатываемых фактов и в спешке отворачивается от огромного количества живых людей и событий, всю сложность взаимосвязей и действий которых он никогда не сможет ни описать, ни постичь»⁶. Опять же, с ускорением развития, со всеми произошедшими переменами наши выводы — от изучения прошлого до прогнозов на будущее — становятся все более и более категоричными и потому рискованными. В 1909 г. Шарль Пеге⁷ утверждал, что «за последние тридцать лет мир изменился больше, чем со времен Христа»⁸. Пожалуй, какой-нибудь молодой физик в наши дни прибавил бы к этому, что с 1909 г. в его области знаний стало

⁶ *Durant W. The Age of Faith (The Story of Civilization, Vol. 4). N.Y., 1950. P. 979.*

⁷ Шарль Пеге (1873–1914) — крупнейший французский христианский публицист, поэт и мистик, чьи произведения пропитаны духом католицизма и французского национализма. Хотя русскоязычному читателю это имя мало знакомо, его высоко ценил русский религиозный философ Семен Франк, ставя в один ряд с Блезом Паскалем, Сёреном Кьеркегором и Фридрихом Ницше. С 1916 по 1955 г. во Франции были изданы 20 томов собрания сочинений Шарля Пеге. *Прим. ред.*

⁸ *Sédillot R. L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965. P. 167.*

известно больше, чем за все предшествующие столетия. Каждый год, а порой — например, во время войны — каждый месяц совершаются открытия, появляются изобретения, вводятся в оборот новые методы, что требует свежего взгляда и новых моделей поведения. Более того, мы все яснее видим, что как в проводимости металлов, так и в образе жизни людей принимает участие элемент случайности, а быть может, и свободы. Ныне мы уже не столь уверены, что атомы и еще более мелкие частицы всего сущего в будущем начнут вести себя так же, как в прошлом. Электроны, подобно Господу в известном гимне Купера, «изыскивают тайные пути, творя свои дела»⁹. Что уж говорить о людях, черты характера которых или же случайные обстоятельства могут в одночасье нарушить равновесие политических сил, как произошло, например, в 323 г. до н.э., когда Александр Македонский взял да и напился до смерти и вся его огромная империя рухнула; или когда во время Семилетней войны Фридрих Великий вместе со всей Пруссией стоял на краю пропасти и лишь внезапная смена власти на русском престоле уберегла и короля, и державу от катастрофы.

⁹ Не переведенный на русский язык гимн Уильяма Купера «И свет во тьме светит» (*Light Shining out of Darkness*), 1773. *Прим. пер.*

Совершенно очевидно, что описание исторических событий¹⁰ не может быть научной дисциплиной. Оно является лишь ремеслом, родом искусства и философии: ремеслом — добывания фактов, искусством — привносить порядок в их разрозненный и бессмысленный ворох, философией — ищущей в них прозрения о будущем. Людям свойственно верить и надеяться, что «настоящее — это развернувшееся в действии прошлое, а прошлое — это развернутое для понимания настоящее»¹¹. В философии мы предпринимаем попытку выхватить и понять часть в свете целого; в «философии истории» пытаемся разглядеть в свете прошлого момент настоящего. Нет сомнения, что в обоих случаях перед нами стоит задача, превосходящая человеческие возможности, поскольку бесконечная

¹⁰ В оригинале использован термин «историография». В настоящее время под этим термином понимают 1) вспомогательную историческую дисциплину, изучающую историю исторической науки и эволюцию исторической мысли, а также 2) изучение исторической литературы по определенному вопросу или периоду. Здесь, скорее всего, речь идет о прямом толковании термина, в духе Нового времени, когда «историограф» был буквально «пишущим (или описывающим) истории (об исторических событиях)». В этом контексте историографию следует понимать как синоним исторического произведения или исторической литературы в целом.
Прим. пер.

¹¹ Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300–1564 (The Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957.

перспектива — оптическая иллюзия. Ведь мы не знаем результатов человеческой истории; мы даже едва знакомы с ее истоками — вероятно, существовало множество цивилизаций до шумерской и египетской! Поэтому мы вынуждены обходиться фрагментарным знанием и временно примириться с необходимостью оперировать вероятностями. В истории, как и в естественных науках или политике, все закономерности и формулировки могут быть опровергнуты¹². «История открыто смеется над любой попыткой заковать свободное ее течение в рамки теоретических концепций или умозрительных закономерностей; история свирепым ураганом расшвыривает все наши обобщения, рушит устанавливаемые нами правила; история, подобно барокко, всегда неупорядоченна и причудлива»¹³. Пожалуй, исходя из подобного определения, мы сможем достаточно почерпнуть из истории,

¹² Речь идет о фальсифицируемости — одном из критериев научности, сформулированном Карлом Поппером в 1935 г. в труде «Логика и рост научного знания». Согласно ему, научная теория не может быть непроверяемой, она должна иметь возможность быть опровергнутой. То есть все ее постулаты можно подвергнуть сомнению, под каждый привести опровержение (эмпирическое и/или теоретическое) и таким образом проверить их: либо подтвердить, либо опровергнуть. Принципиально непроверяемая теория не может считаться научной. *Прим. ред.*

¹³ *Durant W. The Age of Reason Begins (The Story of Civilization, Vol. 7). N.Y., 1961. P. 267.*

чтобы терпеливо переносить тяготы действительности и с уважением относиться к заблуждениям друг друга.

Человек — лишь миг астрономического времени, гость, ненадолго пришедший на просторы нашей планеты, но в то же время это представитель своего вида и рода, своей расы; это его тело, характер, умственные способности; он член семьи и общества, богоискатель или богоборец, верующий или неверующий; он часть экономической системы, возможно, что и гражданин или же военнослужащий — а значит, он действующее лицо (а также предмет исследования) соответственно астрономии, геологии, географии, биологии, этнологии, психологии, этики, религии, экономики, политики и военного дела. Что же может добавить от себя история о природе, нынешнем положении и дальнейших перспективах человека? Сжать тысячи и тысячи столетий человеческой истории до сотни страниц выводов, сотканных из гипотез и допущений, — занятие весьма сомнительное, достойное сущего дурака¹⁴. А потому — продолжим.

¹⁴ Сквозная отсылка к монологу Макбета из одноименной пьесы Шекспира (акт V, сцена 5). «Жизнь <...> — повесть, рассказанная дураком» (перевод М. Лозинского), «сказка» (перевод Б. Пастернака), перекликающаяся по смыслу с процитированными выше словами Фонтенеля. *Прим. пер.*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

